

Владимиров Павел Анатольевич

"ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ" В РУССКОМ НЕОКАНТИАНСТВЕ: ДВЕ ВОЛНЫ ПОНИМАНИЯ

В статье раскрывается значение "иррационального" в русском неокантианстве конца XIX - начала XX века, где выявляются два основных подхода в понимании корреляции рационального и иррационального. Последовательно в рамках истории философии анализируются академический критицизм, представленный А. И. Введенским, и зрелое русское неокантианство, методологически ориентированное на Баденскую (С. И. Гессен, Ф. А. Степун, Б. В. Яковенко) и Марбургскую (В. Э. Сеземан, Б. А. Фохт) школы немецкого неокантианства. В работе делается вывод о наличии трёх моделей функционального использования иррационального в русском неокантианстве.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/10.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 5. С. 42-45. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

14. **Лаудаев У.** Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1872. Вып. 6. С. 1-62.
15. **Мальбахов Б. К.** Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722-1825). Нальчик: Эльбрус, 1998. 230 с.
16. **Пашаева Ш. Ю.** Кавказский мюридизм в Дагестане и Чечне: возникновение, становление, развитие (1821-1838): автореф. дисс. ... к.и.н. Махачкала, 2002. 25 с.
17. **Рамазанов Х. Х.** Колониальная политика русского царизма на Северо-Восточном Кавказе как главная причина борьбы горцев за независимость // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.: материалы всесоюз. науч. конф. (20-22 июня 1989 г.) / отв. ред. В. Г. Гаджиев. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии; Ин-т яз., лит. и искусства, 1994. С. 7-11.
18. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Ф. 23. Кавказские дела.
19. **Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).** Ф. 52. Князя Г. А. Потемкина-Таврического. Оп. 1/194.
20. **Смирнов Н. А.** Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // Вопросы истории. 1950. № 10. С. 15-24.

SHEIKH MANSUR MOVEMENT IN THE CONTEXT OF PROSPECTS FOR INTEGRATION OF PEOPLE OF THE CENTRAL AND NORTH-EASTERN CAUCASUS INTO THE RUSSIAN STATE-LEGAL SPACE

Vinogradov Boris Vital'evich, Doctor in History, Professor
Vartanyan Khanuma Sergeevna
Armavir State Pedagogical University
vinogradov.b@mail.ru; vartanayn1994@mail.ru

The article analyzes the motives and specific features of Sheikh Mansur movement (1785-1791) in the context of established foreign-policy factors and regional peculiarities of the Russian-Caucasian interaction. The reinforcement of Russia in the Caucasus due to the victory in the Russian-Turkish War of 1768-1774 and division of the Crimean Khanate in 1783 resulted in the changes in the established regional system of control and balances. Under such conditions traditional for mountain communities foray expansion combined with the Islamic factor predetermined Sheikh Mansur movement as the first in North Caucasus anti-Russian movement under religious slogans. It worsened the prospects for integration of the Caucasian people into the Russian state-legal system.

Key words and phrases: division of the Crimean Khanate; Russian-Caucasian interaction; Oaths of Citizenship; Islamization process; foray expansion.

УДК 1(091); 165.65

Философские науки

В статье раскрывается значение «иррационального» в русском неокантианстве конца XIX – начала XX века, где выявляются два основных подхода в понимании корреляции рационального и иррационального. Последовательно в рамках истории философии анализируются академический критицизм, представленный А. И. Введенским, и зрелое русское неокантианство, методологически ориентированное на Баденскую (С. И. Гессен, Ф. А. Степун, Б. В. Яковенко) и Марбургскую (В. Э. Сеземан, Б. А. Фохт) школы немецкого неокантианства. В работе делается вывод о наличии трёх моделей функционального использования иррационального в русском неокантианстве.

Ключевые слова и фразы: русское неокантианство; академический критицизм; теория познания; научное познание; иррациональное; рациональное.

Владимиров Павел Анатольевич

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
vladimirov_p_a@mail.ru*

«ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ» В РУССКОМ НЕОКАНТИАНСТВЕ: ДВЕ ВОЛНЫ ПОНИМАНИЯ

В конце XIX – начале XX века в русской философии активно распространяются идеи немецкого критического идеализма, что обусловлено растущим интересом к вопросам теории познания. Происходит формирование русского неокантианства как самостоятельного направления в русской философии, обладающего независимым методологическим подходом в решении проблем социогуманитарного и естественнонаучного знания. Хронологически становление отечественной неокантианской мысли можно разделить на два этапа: первый – академический критицизм, представленный А. И. Введенским, И. И. Лапшиным, Г. И. Челпановым; второй – зрелое неокантианство, находящееся в тесном взаимодействии с Марбургской и Баденской школами немецкого неокантианства.

Специфика русского неокантианства выявляется в обнаружении иррационального компонента познания в структуре целостного знания. Хронологически сформировались две волны в понимании значения понятия иррационального: 1) определение иррационального, исходя из рецепции критического идеализма И. Канта; 2) на основании рефлексии идей немецкого неокантианства.

Первая волна представлена академическим критицизмом, где наиболее существенный вклад в разработку теории познания и понятия иррационального вносят исследования А. И. Введенского.

Придерживаясь позиции, что философия является научно-ориентированной дисциплиной, А. И. Введенский указывает на наличие областей философского знания, неподдающихся научной верификации. Таким образом, в его критицизме обозначается проблема демаркации научного и вненаучного знания, сохраняющая актуальность в современной философии науки.

При построении целостного мировоззрения в рамках научной рациональности возникают вопросы в отношении самоочевидности и недоказуемости феноменов, обусловленных особенностями человеческого бытия. К ним А. И. Введенский относит факт присутствия «чужого одушевления», или сознания у других индивидов, и феномен веры. Отсутствие сомнений в сознательной деятельности Других-Я связано с наличием «уверенности» как специфического феномена, присущего только человеческому существованию. Уверенность не может быть доказана средствами научной рациональности, а является разновидностью веры, «добровольно допускаемой рассудком», и относится к иррациональным способам постижения бытия [3, с. 154]. Согласно А. И. Введенскому, уверенность в «чужом одушевлении» приводит к достоверному знанию, поэтому её нельзя исключить из структуры целостного мировоззрения, более того, именно на подобных видах веры оно формируется. Поскольку философия апеллирует к научной рациональности, то в ней не могут быть использованы данные способы постижения в качестве метода познания. Поэтому А. И. Введенский в работе «О пределах и признаках одушевления: Новый психо-физиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики» предлагает создание критической метафизики в виде области вненаучного знания [2, с. 118], где инструментом проверки объективности результатов исследования служит логика как часть критической методологии.

Следует отметить, что в исследованиях А. И. Введенского, которые основаны на рефлексии критического идеализма И. Канта, иррациональное означает отсутствие возможности достижения достоверного знания посредством применения логики и научных средств познания. Всё, что недоступно мышлению, не является предметом научного рассмотрения и относится к метафизике. Философ предложил не новый вариант метафизики, в чём его упрекали Л. М. Лопатин и Э. Л. Радлов, а выделил область вненаучного знания с целью разграничения рационального познания как средства науки и иррационального постижения бытия как специфической черты человеческого существования, остающейся за рамками сциентизма.

Ко второй волне относятся русские философы, объединённые журналом «Логос» и испытавшие влияние со стороны немецких школ неокантианства: С. И. Гессен, Ф. А. Степун, Б. В. Яковенко, а также В. Э. Сеземан и Б. А. Фохт. С. И. Гессен и Б. В. Яковенко, основываясь на методологии Баденской школы, рассматривают понятие иррационального в контексте философского анализа проблем культуры. Иррациональное содержательно присутствует в ценностях, которые не могут быть рационально выражены, но являются значимой частью культуры. С. И. Гессен обозначает вопрос о способах достижения свободы как основополагающий в философии. Свобода не может быть конституирована только мышлением, но реализуется в культуре посредством ценностей. Исходя из этого, выявляется иррациональное основание свободы как нечто неограниченное, в том числе и рамками рациональности. Практическое воплощение свободы проявляется в самореализации личности, где иррациональное выступает уже в негативном смысле, оно сливается с мистикой, «стремящейся уничтожить границу рационального и иррационального» [1, с. 62], и, таким образом, противоречит разумности, что приводит к отсутствию систематичности и методологизма в познании. Положительное значение иррационального заключается в устранении односторонней интерпретации ценностей как социально обусловленных объектов культуры.

В трактовке С. И. Гессена ценности не могут быть разделены на духовные и материальные, ценности есть содержание мира, а свобода достигается посредством реализации полноты практико-теоретического понимания бытия, что подразумевает «своеобразное сочетание рационального и иррационального моментов» [5, с. 409].

Б. В. Яковенко, в отличие от С. И. Гессена, конкретизирует иррациональное в качестве мистико-религиозного основания искусства и религии, находящееся в тесном взаимодействии с философией, понимаемой как самопознание «Сущего». Задача критической философии заключается в разделении методов постижения на научно-критический и на культурно-ценностный. Если первый метод ориентирован на элиминацию метафизики и догматизма в научном познании, то второй направлен непосредственно на постижение «Сущего». Согласно Б. В. Яковенко, «Сущее» есть динамическое единство «объективности и субъективности», и в тоже время оно есть неподвижный и целостный онтологический Абсолют [12, с. 240], поэтому его постижение не может быть обусловлено только границами рационального.

В фундаментальной работе «Мощь философии» Б. В. Яковенко указывает на единственно самостоятельный метод философии – трансцендентальный, который объединяет совокупность способов постижения «Сущего». Таким образом, использование трансцендентальной методологии становится необходимым условием построения теоретически обоснованной системы, раскрывающей «Сущее» в его целостности, а философия, являющаяся «знанием абсолютного» [Там же, с. 57], объединяет области рационального научного познания и мистико-иррационального содержания религии и искусства.

В исследованиях Ф. А. Степуна «иррациональное» не имеет однозначной дефиниции, но имплицитно присутствует в раскрытии содержания культуры и Абсолюта. Воззрения русского философа находятся в постоянном развитии: от методологии Баденской школы неокантианства до построения собственной системы на основании синтеза антропологической проблемы и философии Всеединства. Связующим звеном между культурой и Абсолютом является опыт, имеющий двойственное значение: опыт переживания и опыт творчества. Культура как совокупность ценностей и форм творчества находится в непосредственном отношении к сфере человеческой жизни, где особенностью последней является постоянное стремление познать непостижимое [4, с. 339].

В таком контексте проявляется «иррациональное» как неотъемлемая часть жизни человека в его стремлении постичь Абсолют, а также в качестве составляющей творческого акта создания произведений искусств, то есть в опыте переживания, где «понятие иррациональности есть понятие рациональное» [9, с. 98]. Можно констатировать, что иррациональное – это не отрицание рационального, а аспект человеческого существования, необходимо присутствующий в процессе постижения Абсолютного.

В. Э. Сеземан и Б. А. Фохт, придерживаясь методологии Марбургской школы неокантианства, раскрывают значение «иррационального» в рамках теории познания. В работе «Рациональное и иррациональное в системе философии» В. Э. Сеземан указывает на двойственную рационально-иррациональную характеристику самого знания [6, с. 100]. Рациональность знания обусловлена системностью и строгостью научного познания, а иррациональное обозначает бесконечность процесса постижения бытия. Основываясь на историко-философском анализе проблемы достижения объективного знания, В. Э. Сеземан выделяет учение Платона, в идеализме которого впервые обнаруживаются два основоположения достоверного знания – «методологизм» и «проблематизм» [Там же, с. 97]. Здесь закладываются условия ошибочного противопоставления рационального и иррационального, что наиболее отчетливо выразилось в Новое время, так как в этот период иррациональное приобретает семантическое значение отрицания разумного начала в постижении мира.

Данная проблема разрешается только после появления критического идеализма И. Канта, где ставится вопрос о возможностях и границах познания. Теперь систематичность и всеобщность выступают в качестве основных критериев достоверного знания, что подразумевает возможность целостного постижения бытия. Исходя из проведенного анализа, В. Э. Сеземан делает вывод о наличии двух принципов достоверного познания: принципа системности знания и принципа бесконечности познания. Системность знания является необходимым условием для обнаружения объективных закономерностей, «исчерпывающих познание природы», для формирования научных теорий [7, с. 64]. Принцип бесконечности познания обусловлен неизбежностью расширения области непознанного, то есть существует принципиальная недостижимость абсолютного знания рациональными средствами.

Таким образом, иррациональное в теории познания В. Э. Сеземана выступает как неотъемлемая характеристика процесса познания, ориентированного на достижение абсолютно-объективного знания, которое «одновременно должно быть всеобъемлющим знанием» [8, с. 133]. В таком контексте достоверное знание обусловлено в равной мере рациональными и иррациональными факторами, что предполагает их взаимодополняемость в процессе познания целостности бытия.

Б. А. Фохт расширяет область критической философии, включив в неё анализ искусства. В работе «О прекрасном как предмете искусства и основных чертах художественного творчества» раскрывается роль «чистого чувства» и интуиции в творческом акте. Чистое чувство не нуждается в других познавательных способностях и самостоятельно направляет сознание к творческой деятельности. Такой ход рассуждений соответствует воззрениям П. Наторпа, где понятие «чистого чувства» становится центральным в теории эстетического [10, с. 54], но Б. А. Фохт уделяет особое внимание интуиции. Только она посредством образов «фантазии», апеллирующих к чистому чувству, способна выразить неразрывность акта художественного творения и его результата.

Своеобразие природы прекрасного не поддается рациональной рефлексии, оно остаётся иррациональным, но произведения искусства содержат рациональные элементы, благодаря которым они доступны мышлению. Согласно Б. А. Фохту, «восприятие прекрасного и всякое произведение искусства» в конечном итоге всегда остаются иррациональными, выражением которых является интуиция [11, с. 156]. Чистое чувство становится связующим звеном между иррациональностью интуитивного постижения творческого акта и рациональностью мышления, а понятие иррационального определяется как отсутствие возможности «комбинирования самих по себе рациональных элементов» [Там же, с. 157]. Философ настаивает, что невозможно создание рационального метода познания искусства, так как в творчестве всегда присутствует неповторимое индивидуальное начало. Как видим, для Б. А. Фохта философская апробация области искусства требует учитывать наличие корреляции рационального и иррационального.

Из историко-философского анализа исследований русских неокантианцев выделяются три модели функционального использования «иррационального»: 1) в контексте философской рефлексии взаимоотношения культуры и ценностей; 2) в рамках теории познания, где иррациональное обозначает неотъемлемую часть целостного или абсолютно-достоверного знания; 3) иррациональное имплицитно отождествляется с интуицией, понимаемой как способ постижения прекрасного и произведений искусств. В целом для русского неокантианства свойственна критика односторонности научной рациональности, что и становится причиной определения знания как сложной структуры, или единой картины мира, в составе которой находятся не только познаваемые явления, но и иррационально постигаемые феномены.

В заключение отметим, что историко-философский анализ русского неокантианства и, в частности, раскрытие проблемы корреляции рационального и иррационального позволяют по-новому оценить роль и значение русской философии в динамике развития европейской философской мысли.

Список источников

1. Белов В. Н. С. И. Гессен в истории русского неокантианства // Кантовский сборник. 2014. № 1 (47). С. 59-66.
2. Введенский А. И. О пределах и признаках одушевления: новый психо-физиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1892. 119 с.

3. **Введенский А. И.** Статьи по философии / сост. А. А. Ермичев, С. А. Ненашева, И. М. Лихарев. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 232 с.
4. **Вознюк Н. А.** Проблема человека в философии Ф. А. Степуна // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2010. Т. 13. № 2. С. 337-341.
5. **Гессен С. И.** Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 960 с.
6. **Сеземан В. Э.** Рациональное и иррациональное в системе философии // Логос. М.: Мусагет, 1911. Кн. 1. С. 93-122.
7. **Сеземан В. Э.** Теоретическая философия Марбургской школы (с послесловием В. И. Повилайтиса) // Кантовский сборник. 2010. № 4 (34). С. 60-80.
8. **Сеземан-Ковно В.** К проблеме чистого знания (с предисловием В. Н. Белова) // Логос. 2006. № 6 (57). С. 117-161.
9. **Степун Ф. А.** Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. 1000 с.
10. **Тетюев Л. И.** Эстетика в системе философии Пауля Наторпа // Кантовский сборник. 2014. № 2 (48). С. 53-62.
11. **Фохт Б. А.** Избранное (из философского наследия). М.: Прогресс-Традиция, 2003. 456 с.
12. **Яковенко Б. В.** Мошь философии. СПб.: Наука, 2000. 851 с.

“THE IRRATIONAL” IN RUSSIAN NEO-KANTIANISM: TWO WAVES OF UNDERSTANDING

Vladimirov Pavel Anatol'evich

Saratov State University

vladimirov_p_a@mail.ru

The article reveals the meaning of “the irrational” in Russian neo-Kantianism of the late XIX – the early XX century, where two basic approaches to understanding the correlation of the rational and the irrational are identified. Consistently within the history of philosophy, the author analyzes the academic criticism presented by A. I. Vvedensky and mature Russian neo-Kantianism, methodologically oriented towards the Baden (S. I. Gessen, F. A. Stepun, B. V. Yakovenko) and the Marburg (V. E. Seseman, B. A. Focht) schools of German neo-Kantianism. The paper concludes that there are three models of the functional use of the irrational in Russian neo-Kantianism.

Key words and phrases: Russian neo-Kantianism; academic criticism; theory of cognition; scientific cognition; the irrational; the rational.

УДК 94(47).084.9

Исторические науки и археология

Автор сравнивает требования высших комсомольских органов к нижестоящим комитетам ВЛКСМ с реальностями внутрисоюзной жизни 1960-х годов. Показано, что наиболее эффективно в этот период проявила себя организация комсомольской работы по месту жительства. Проанализировав результаты массового опроса комсомольцев в 1966 г., автор приходит к выводу: молодежь осознавала, что союзная деятельность должна быть содержательной, нацеленной на решение действительно важных задач.

Ключевые слова и фразы: молодежь; комсомол; стиль внутрисоюзной работы; гласность; организаторская работа.

Власова Татьяна Алексеевна

Тамбовский государственный технический университет

tata.vlasova007@yandex.ru

КОМИТЕТЫ ВЛКСМ В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГОДОВ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СТИЛЯ РАБОТЫ

Вопрос о стиле работы комсомольских организаций в последние годы неоднократно поднимался в публикациях отечественных исследователей [1-2; 5; 10-15]. Но пока они обходили молчанием стиль внутрисоюзной работы в середине и второй половине 1960-х гг.

Мы же хотели бы обратить внимание на те явные изменения в стиле комсомольской работы, которые проявились в конце 1964 – 1965 г. и во многом были связаны с изменениями в высших эшелонах власти. Неправильным назвал ЦК ВЛКСМ подход к делу тех комсомольских работников, которые видели свою задачу в том, чтобы выкинуть броский лозунг, выступить с новым почином, на бумаге одобрить очередную инициативу. «Надо раз и навсегда отказаться от навязывания необдуманных инициатив и починов сверху», – провозгласил ЦК ВЛКСМ в мае 1965 г. [7, с. 185-186].

В постановлении июньского (1965 г.) пленума ЦК ВЛКСМ «Организаторскую работу комсомола – на уровень современных требований партии» были выдвинуты следующие требования к стилю работы райкомов комсомола: минимум заседаний, постановлений и директив, максимум живой организаторской работы с молодежью, конкретной помощи первичным организациям, внимания к работе с активом, его учебе. В качестве характерных недостатков в стиле работы комитетов ВЛКСМ назывались разбросанность, неумение определить главные звенья в практической работе по воспитанию молодежи, отсутствие постоянного и целенаправленного